

САМИЗДАТ ВЕКА: СТАНИСЛАВ КРАСОВИЦКИЙ

1996 N17

2. ГРУППА ЧЕРТКОВА 2.3. СТАНИСЛАВ КРАСОВИЦКИЙ

Самый крупный поэт в этой группе был и остается Станислав Красовицкий, которого я знал мало, но стихи которого мне прочитал позднее юноша Бродский. Я записал их в свою клеенчатую тетрадку, и потом не раз перечитывал.

Трагизм, ожидание неминуемого Апокалипсиса, предчувствие неизбежных Чернобылей, одиночество и ужас поэта отразились в этих стихах с необычайной силой. И был в них, конечно, сюрреализм. Написаны они в середине или в самом начале второй полови-

ны 1950-х годов.

Я уже говорил, что далеко не у всех были тогда пишущие машинки, стихи переписывали, увозили в Ленинград, в Воронеж, тайком переправляли за рубеж, как контрабанду. И потом они появлялись в альманахе "АППОЛОН-77", издаваемом в Америке художником Михаилом Шемякиным, в антологии "Голубая лагуна" Кузьминского. Не всегда все печаталось правильно, многое со слуха, перевиралось, но иначе и быть не могло, стихам сопутствовал эффект испорченного телефона.

Андрей Сергеев рассказывает: "... крупный поэт Красовицкий несомненно был оправданием существования нашей группы. Надо сказать, из каж-

дой группы кто-то да вышел. Из смогистов, например, вышел прозаик Саша Соколов. "Между собакой и волком" - это замечательная вещь. Из Лианозова - тоже. А у нас это прежде всего Красовицкий, тот Красовицкий пятидесятых. Он пишет и сейчас, но эти стихи при всех их несомненных литературных достоинствах оставляют меня равнодушным."

Я слышал, что Станислав Красовицкий принял сан священника русской зарубежной церкви, и живет сейчас в Подмосковьи, окруженный чадами и домочадцами. Книга стихов так до сих пор и не появилась.

ГЕНРИХ САГГИР

НАТЮРМОРТ

Полупустым оркестром
шла тропинка скрипки,
и на нее сорил неряха-
контрабас
окурки, вечера, прогулки,
вечеринки -
и все, что говоришь,
порой не разобрал.

И весь оркестр - набор
фанерных натюрмортов.
Но кто поверит в них?
И не поймет любой,
что за окном фойе
и в перелете марта -
окурки, вечера, прогулки и
любовь.

Все это тихо спит
в ловушке колоннады.
Пугают снег грачи.
Уже решен разлад.
Но в перелете март.
И верю -
когда надо,
я все верну назад,
и слова не сказав.

Покажется трамвай.
Его фигура - череп.
И скрипкою тропа пересекает
двор.
И ею контрабас заканчивает
вчера
окурки, вечера, прогулки,
разговор.

ВОСПОМИНАНИЕ

Внутри ладони, словно в
конуре, горит окурочек -
зачаток света...
силуэт дороги...
И звезд осенних скудны
чудеса.
Пускай рука не греет.
Плохо светит.
Но это счастье -
уносить с собой
зачаток света...
силуэт дороги...
И полуразвалившийся собор
сырых деревьев.

Вот так идут на казнь.
И на разлуку.
На ожидание,
Что если не любовь, то
мошкара
слетит в мою простреленную
руку.

Кривые звезды сыпят
паровозы.
В прогнивших досках
оголенных стен
уже горят лохмотья
керосина.
И прядь за прядью

по какой-то тени
я воскрешаю милое лицо.
Я воскрешаю это воскресенье.
И понедельник,
словно все, что было,
наступит завтра.
И потом уйдя,
оставит на платформе
зачаток света.
Силуэт дороги.
В чужом саду развалины
скворешен.
И карточные домики деревьев,
казалось, вот -
осыпаться должны,
как будто это не зима,
а осень.

Вы умерли.
А мы не умирали?
Вы помните, как я смотрел на вас -
Вы
или я,
там, на экране клейком
рентгеновский мальчишка на
скамейке?
Рентгена подмигнул нам темный
глаз.
Кто умирал?
Мы думали про вас.
Но вот опять знакомая походка,
по-над листвою проделанная четко.
И поступь рук по воздуху низка.
И театрален ваш носок виска.
Асфальт, пробитый деревянной
тростью -
о, мне знакомы ваша СТЭК и поза.
Она ведет к колесам паровоза.
Но до фабричной рамы не найдясь,
порвалась опереточная связь.
И я один.
Рука пуста, как солнце.
Что я сжимал -
какой-то мандарин?
Простреленное девочкино сердце?
Какую-то песочную бумагу,
похожую на тлеющую руку?
Что я сжимал.
О, Каинов прищур -
простое дуновение старой лампы.
Что я сжимал?
Какое-то ничто.

Темнеет.
Двигает кубатура тени.
Фальшивые шаги.
На них ступени.
И понял я,
что жизнь моя мала.
Что главное для жизни -
ЗЕРКАЛА,
чтоб видеть самого себя до тла.
Чтобы ничто вам руку не держало.
Чтоб ваш же воротник
принадлежал вам.
Чтоб были вы друзьям своим
видны.
Чтоб ваш двойник
не вышел из стены.

* * *

Чуть брезжит самолет.
Чуть солнце желтовато.
Качает воронье древесные лотки.
В окне лежат дома, похожие на
вату.
И двери вчетвером в них топчут
каблуки.

А в городе
над деревянной крышею
антенны, прищипленные ловко.
В долине соль земли засыпет
борозду.
А на моем плече -
багряная головка.
Кто мог ее убить?
А я не подойду?

Во мне горит огонь английского
камина.
На мне давно лежит хорошее
сукно.
А для кого беречь?
Для будущего сына?
Дай лучше отомщу
за все, что не дано.

Я не убийца. Нет.
Но видят только листья.
И будет хорошо,
когда она умрет.
Я в жизни не видал затылка
шелковистей.
Спи, маска на плече.
Прощайте, самолет.

ЛЕГЕНДА

Багровый цветок кирпичика
сегодня приснился мне.
Окна восковое личико
со мною наедине.

Пока за оградой стелется
тугая, как нить, луна,
и песню свою погорельцы
раскладывают у окна -

безумною тьмою омытый,
кувшин к роднику приник. -
Я встретила инвалида
под жалобный жабий крик.

Не зря по ночам я плакала.
Из рощи не выходя,
сам Бог протянул мне яблоко
теплое от дождя.

Белесые звезды акации
пылали над землей.
Когда он ушел на станцию -
меня отвели домой.

И не нашедши пояса,
с проклятьем на устах,
они положили под поезд
доставшийся мне пятак.

* * *

На пороге, где пляшет змея и
земля -
кровавое дерево следа.
Я вижу, уходит через поля
немая фигура соседа.

А волны стоят в допотопном
ряду.
И сеется пыль мукомола.
Старуха копаются в желтом саду,
отвернутая от пола.

Что надо ей там?
Но приемник молчит,
и тихо,
по самому краю,
уходит за море соседский
бандит,
закутавшись тенью сарая.

* * *

Стук.
Это друг Зиновий.
В который раз.

Цвет костяной тарелок
не описать.
Паучьих переделок
не развязать.

Пусть все осьмнадцать бюстов
стоят во тьме.
Ах, все-равно не пусто
и грустно мне.

Но жить - мой долг сыновий.
Огонь угас.
То смерть. Иль друг Зиновий
в который раз.

ЦЕХ*

Забор покосился,
порвался родник,
утопленник всплыл нераздетый.
Туристов ведет на погост
проводник.
И мерно бряцают кассеты.

В прозрачном салоне поэты не
спят.
А там,
за горою, за дальней
песочные земли над миром
сипят,
тряся канареечной пальмой.

Там щурит ресницы оранжевый
кот,
преступник берется за дело.
Готовит художник к началу работ
натурщицы вялое тело.

И мелки шаги оркестранта в углу.
Меня, пассажира простого
он встретит, сквозь зубы
продевши иглу,